

Е.А.Андреева

НОВАЯ ЖИЗНЬ ОДНОГО ДРЕВНЕРУССКОГО СЮЖЕТА (НА МАТЕРИАЛЕ СТИХОТВОРЕНИЯ Д.КЕДРИНА «КНЯЗЬ ВАСИЛЬКО РОСТОВСКИЙ»)

Работа посвящена анализу стихотворения Д.Кедрина «Князь Василько Ростовский», написанному в годы Великой Отечественной войны и возвращающему читателей к событиям начала татаро-монгольского нашествия. Древнерусский сюжет дает возможность поэту провести исторические аналогии и параллели, на примере событий 1238 г. рассказать о героях-русских и захватчиках-фашистах. Кедрин не стремится к исторической точности в воспроизведении событий прошлого, его главной задачей является на примере известного сюжета и героя (Василька Ростовского) вселить в читателя уверенность в конечной победе. Именно поэтому в стихотворении полностью снимаются все религиозные мотивы, а основным смыслом подвига древнерусского князя названо не смирение, но стремление показать пример, призыв к мести за совершенные захватчиками злодеяния. Основным качеством главного героя становится патриотизм.

Ключевые слова: древнерусская литература, Великая Отечественная война, князь, житие, татаро-монгольское нашествие, Василько Ростовский, Батый, образ

Литература XIX—XXI вв. неоднократно обращалась к образам русских князей-мучеников, пострадавших от рук татаро-монголов. Еще поэты-декабристы К.Ф.Рылеев и А.А.Бестужев в поэтических произведениях прославили Михаила Ярославича Тверского, положившего «душу свою за други своя» в ставке хана Узбека, образ тверского князя появился и в стихотворении Н.Клюева «Плач о Есенине». Современный поэт Тимур Зульфикаров рассказывает о подвиге Михаила Черниговского в одноименной поэме. Переломные годы истории, войны, революции, ломка устоев порождают размышления о том, что такое душевная сила и стойкость, мужество и патриотизм, как нужно противостоять врагу. Возвращаясь к ситуациям из прошлого, черпая сюжеты в древнерусской литературе, рассказывающей о сложном периоде монгольского владычества, авторы стремились найти общее между событиями древности и современности, сопоставить их и прийти к важным выводам.

Дмитрий Кедрин (1907—1945) в разгар военных действий на фронтах Великой Отечественной войны написал текст, который относят то к жанру стихотворения, то к жанру поэмы, то к жанру баллады — «Князь Василько Ростовский» (26 августа 1942 г.). Сам поэт, будучи человеком со слабым зрением, не был военнообязанным, но он всеми силами старался попасть в действующую армию. В 1943 г. он был отправлен на Северо-Западный фронт как военный корреспондент. До этого его главным делом было создание патристических стихотворений, которые поднимали боевой дух солдат.

Чем же мог привлечь поэта XX в. герой древнерусской литературы и признанный Церковью святым князь Василько Константинович Ростовский? Василько Константинович Ростовский (1208—1238), замученный татаро-монголами, фактически открыл целую галерею русских князей-мучеников, убитых ордынцами. Старший сын великого князя Владимирского Константина Всеволодовича, внук великого князя Владимирского Всеволода Большое Гнездо, зять Михаила Всеволодовича Черниговского (убитого в Орде позже, в 1246 г.), он погиб в монгольском плену после поражения русских войск на реке Сити. По сведениям древнерусских летописей, Василько Ростовский был убит в Шернском (Шеренском) лесу, так как отказался перейти на сторону захватчиков и служить хану. Через некоторое время его труп был найден некой женщиной, рассказавшей о своей находке попovichу Адриану, который спрятал тело. Потом оно было перевезено в Ростов, где было погребено в Успенской церкви [подробнее см. 1].

Стихотворение немало по объему, эмоционально напряженно, в центре повествования — конфликт двух миров, своих и чужих, и двух персонажей, ярких представителей этих миров. Эмоциональность тексту придает значительное количество прямых речей, приносимых персонажами.

Следуя древнерусской традиции, Кедрин четко делит героев на идеально положительных и крайне отрицательных, каковыми и предстают Василько Константинович и Батый соответственно.

Василько Константинович назван в тексте «отважным» (дважды), «бесстрашным», он «духом тверд и светел», отвечает врагу «спокойно и легко», он чувствует, что за ним правда, он — защитник русской земли, поэтому и описан как древнерусский герой-воин. Для сходства с былинным богатырем русского фольклора не хватает гиперболизации физической силы князя. Сила Василька Ростовского в большей степени духовная, внутренняя — это его решимость и стойкость. Попав в плен, герой не пытается спастись, остается верен своим принципам. Из внешних характеристик автор лишь дважды упоминает, что князь был кудрявым (в начале и конце текста). Портретная характеристика, как и в большинстве древнерусских текстов, отсутствует. Однако в данном случае поэт скорее стремится создать обобщенный образ защитника русской земли, а не подражать древним источникам. Лишая князя портретных черт, Кедрин словно говорит читателю, что каждый может стать подобным князю Древней Руси.

Герой охарактеризован не только авторскими определениями, оценку ему дает и главный враг — Батый: сначала он восхищается русским князем-воином и хочет видеть его в своей дружине:

Я князя за отвагу
Помиловать хочу.
Пусть вытрет ил болотный
С лица отмоем грязь:
В моей охранной сотне
Отныне служит князь [2].

Но хан не сразу же готов принять русского в свое войско, в охранную сотню, до этого должен быть совершен своеобразный обряд — князь должен отмыться от прежней грязи, пройти очищение, а в добавление к этому отведать татаро-монгольской пищи:

Не помня зла былого,
Недавнему врагу
Подайте чашку плова,
Кумыс и курагу [2].

Очевидно, что Кедрин знал о судьбе древнерусского князя-мученика, наиболее известного и прославленного церковью, Михаила Черниговского, который должен был совершить несколько «обрядов перехода»: пройти через огонь, поклониться кусту, идолам, а в конце и самому ордынскому властителю, к которому невозможно было попасть, не пройдя всех церемоний [3]. В данных требованиях хана сильно влияние Великой Ясы и тенгрианства. Но стихотворение Кедрина, о чем еще будет сказано подробнее, полностью лишено намеков на вопросы вероисповедания, поэтому все обряды в тексте сводятся к омовению и принятию татаро-монгольской пищи.

Следующая характеристика, данная Васильку Константиновичу Батыем, слетает из его уст, когда хан слышит решительный отказ оппонента, поэтому больше никаких лестных характеристик, подчеркивающих уважение к врагу, не появляется (Они фактически отсутствовали и в первой реплике, в отличие от житийного текста, где, правда, не Батый, но татары «видыша же възраста его величество, и красоту взора его, и мужьственную храбрость, и начаша увещевати...» [4, с. 501]):

Возьмите и повесьте
Упрямца за ребро! [2]

Для врага Васильку Константинович — упрямец, хан не понимает причину отказа князя служить ему взамен на самый ценный и важный подарок — жизнь.

Кроме авторских определений и оценок врага, Василька Константиновича характеризуют, в первую очередь, совершаемые им поступки. В ситуации, когда «от крови человеческой подтаяла река», «от крови черно», герой своими действиями чинит препятствия врагу: именно от смелости и решительных действий таких воинов, как князь, «врагам на тын по доскам взобраться нелегко». После гибели Юрия (Георгия) Всеволодовича (о нем в стихотворении не упоминается, но исторический контекст автору не мог быть неизвестен), оставшись без предводителя, воины встали «под княжью руку», готовы идти за ростовским князем, он для них становится примером. В противоположность татарам, которых автор называет «наильниками», русское войско — великаны, богатыри. С ними можно справиться лишь двумя способами: или подлость человеческая приведет к поражению, или сама природа начнет помогать вражескому войску:

Но русским великанам
Застлала очи мгла,
И выбит князь арканом
Из утлого седла [2].

Но застилающая глаза тьма — это лишь одна часть природной стихии, а другая скорбит по погибающим защитникам, густые леса клонятся от горя, видя, как наступают татаро-монголы.

Князь описан в ситуации, когда он стоит один на один перед Батыем, его положение изначально невыгодное — он в плену, русское войско потерпело поражение. Особое внимание следует обратить на слова Василька Константиновича, которыми он отвечает на предложение хана послужить в его войске:

Служить тебе не буду,
С тобой не буду есть.
Одно звучит повсюду
Святое слово: месть!
Под нашими ногами
Струится кровь — она,
Монгольский хан поганый,
Тобой отворена!
Лежат в снегу у храма
Три мертвые жены.
Твоими нукерами
Они осквернены!
В лесу огонь пожара

Бураном размело.
Твои, Батый, татары,
Сожгли мое село!
Забудь я Русь хоть мало,
Меня бы прокляла
Жена, что целовала,
И мать, что родила... [2]

В речи Василька Константиновича сразу же актуализируется несколько важных тем: отказ служить врагу (ответ на предложение противника), объяснение причин подобного выбора, в ходе которого князь воссоздает картину поруганной Руси, измученной и оскверненной родины, залитой кровью. Говоря о пожаре в родном селе, герой стихотворения перестает быть человеком Древней Руси и фактически предстает современником автора. Священным долгом перед Русью, женой, матерью князь в стихотворении Кедрина считает месть, для него самое главное — не сдаться и не покориться врагу.

В данном эпизоде поэт искажает позицию древнерусских книжников и летописцев, представляющих Василька Константиновича мучеником, в том числе мучеником за веру. В тексте жития, помещенного в состав «Степенной книги», речь ростовского князя выглядела иначе: «О злое царство, темное и скверное! Или мните, окаянии, любими быти отъ Бога, яко предаде насъ въ скверныя ваши руки, но убо насъ, вѣрующихъ Ему, всегда любя и милуя, нынѣ же праведными Его судьбами и в настоящее сие скръбное время таковымъ наказаниемъ изволи очистити насъ отъ прегрѣшений нашихъ, и въ будущемъ вѣцѣ даруя намъ бесконечный животъ, его же ради никакъ же не можете мене отлучити отъ вѣры христіанския. Аще нынѣ и велику бѣду приемлю отъ васъ, еже наведе ми Господь грѣхъ ради моихъ, вы же, окаянии, кии отвѣтъ имате дате Богу, иже многи души погубили есте бес правды, их же Господь истязеть отъ васъ, их же ради мучитися имате в негасимомъ огни въ вѣки бесконечныя?» [4, с. 501]. В данной пространной речи задана изначально иная система координат. Для древнерусского человека чужой, враг — это прежде всего человек иной веры [5, с. 295-299]. Конфликт татаро-монголов и русского князя в летописных и особенно в житийных памятниках всегда превращается в конфликт православия и «иной» веры (будь то тенгрианство или ислам). Для поэта XX века конфликт более прост и понятен: есть защитник и захватчик. В древнерусском тексте, где прямая речь героя занимает значительную часть произведения, герой вступает в «прения о вере», доказывая превосходство христианства над верой батыева войска. А отсюда и различная мотивировка отказа героя подчиниться врагу. В древнерусских памятниках князь готов пожертвовать собой, но он знает, что его ждет награда, его мученичество — лишь очищение от прегрешений, возможность войти в царствие Божие, в то время как татаро-монголы ждут вечные и бесконечные муки. Смирение и месть — две абсолютно противоположные доминирующие идеи — движут героем древнерусской литературы и героем стихотворения XX века. При этом смирение нужно понимать как смирение перед высшей волей, это принятие уготованной судьбы, а отчасти и желание пострадать, оказаться последователем Христа (*imitatio Christi*).

Смерть князя в стихотворении Кедрина довольно необычна: его подвешивают на сосне на чугунный крюк (в житии лишь сказано, что татаро-монголы его мучили, а потом убили). Такой способ казни использовали, желая продлить мучения повешенного. Виды казни у татаро-монголов зависели от социального статуса наказываемого и от самого правонарушения [6]. Это могли быть удары палкой, отрубание рук, человека могли зарезать, задушить, разорвать на части, привязав к лошадям, могли переломить позвоночник, отсечь голову, вырвать из груди еще бьющееся сердце, а самой престижной казнью считалась такая, которая не была связана с кровопролитием, потому что, по мнению татаро-монголов, кровь —местилище души. Такой способ казни, как повешение на крюк, ордынцы не практиковали, но в этой сцене стихотворения также можно разглядеть отсылку к современным автору событиям: так поступали с врагами гестаповцы.

Умирая, герой стихотворения Кедрина продолжает говорить, а точнее, шептать:
Не вымоюсь водою
И тканью не утрусъ,
А нынешней бедою
Сплотится наша Русь!
Сплотится Русь и вынет
Единый меч. Тогда
Подобно дыму, сгинет,
Батый, твоя орда! [2]

Герой продолжает отвечать на первую реплику Батыя, снова отказываясь следовать предложению хана. Текст второй речи Василька Константиновича также лишен присущего ему в житии подтекста, поэтому князь говорит о том, как можно победить ненавистного врага — сплотиться, объединиться в борьбе. Зная историческую ситуацию на Руси того времени, междоусобные распри князей, можно говорить о правдоподобности пожеланий ростовского князя, хотя в тексте жития об объединении против врага речи не шло. С точки зрения древнерусского книжника, вся власть на земле от Бога, нашествие Батыя — наказание русским людям за грехи и возможность очиститься, искупить их страданиями. В стихотворении же только силой духа, «внутренним горением», сплоченными действиями можно одолеть неприятеля. В подобной реплике, безусловно, видится намек на события Великой Отечественной войны, автор надеется, что фашистов можно одолеть.

Другим полюсом стихотворения является образ врага, персонализированный в фигуре Батыя. Способ характеристики героя не меняется: это совершенные им поступки и его прямая речь. Как и Василько Константинович, Батый произносит 2 речи, прямо противоположные по содержанию: одна — желание помиловать противника, другая — приказ повесить ростовского князя. Главное злодеяние Батыя заключается в том, что он «привел орду» на Русь и потопил страну в крови, и если татары в целом названы «насильниками», то Батый еще и «поганный». Данное определение часто встречается на страницах древнерусских текстах, рассказывающих о татаро-монголах: здесь прежде всего оценка их «чужеродности», отношение к вере — для древнерусских книжников татары всегда «поганные», «беззаконные», «окаянные». Еще одной особенностью Батыя является то, что он призывает чтить обычаи своего народа, но сам при этом может нарушать традиции завоеванного народа:

Хан из церковной чаши
Пьет сладкое вино [2].

Автору важно подчеркнуть степень пренебрежения захватчика к покоренному народу, его нежелание уважать чужие традиции и обычаи, его жестокость в отношении мирного населения, особенно женщин. Он привычен «к лести», но не знает ничего о милосердии и человечности. Хан не показан в бою: он лишь возвышается над горами тел и, «прихлебывая брагу», обращается к толмачу, желая «наградить» смелого русского князя, которого тут же и накажет. Его милость — сиюминутна, он ждет ответного признания его силы и мощи.

Итак, мы видим, что Кедрин, позаимствовав древнерусский сюжет, осовременил его, сделал актуальным для своего времени. При этом поэт лишил текст всей религиозной подоплеку, связанной с прениями о вере. Христианская вера, которая двигала героем Древней Руси и заставляла его покориться судьбе, принять мученическую кончину, но не сдаться врагу, трансформировалась в патриотическое чувство, составными чертами которого являются ненависть к врагу и отвага. Несомненно, что под Ордой и Батыем подразумеваются враги-фашисты, стихотворение заканчивается уверенностью умирающего Василька Константиновича в конечной победе русского войска, так и автор стихотворения надеется на скорую победу.

1. Андреева Е.А. «Подвизаясь на брани...». Образ Василька Константиновича Ростовского в Степенной книге // Русская речь. 2018. № 5. С. 56-61.
2. Кедрин Д. Князь Василько Ростовский [Электр. ресурс]. URL: http://az.lib.ru/k/kedrin_d_b/text_0140.shtml (дата обращения: 17.01.2020)
3. Рыкин П.О. «Обряды перехода» в системе русско-монгольских отношений середины XIII в.: Семиотические аспекты межкультурной коммуникации // Историческая психология и ментальность. Эпохи. Социумы. Этносы. Люди. СПб., 1999. С. 201-216.
4. Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам. М., Языки славянских культур, 2007. Т. 1. С. 501-503.
5. Долгов В.В. Быт и нравы Древней Руси. Миры повседневности XI—XIII вв. СПб.: Издательство Олега Абышко, 2017. 592 с.
6. Почekaев Р.Ю. Право Золотой Орды. Казань: «Фэн» АН РТ, 2009. С. 124-141.

References

1. Andreeva E.A. "Podvizasia na brani...". Obraz Vasil'ka Konstantinovicha Rostovskogo v Stepennoi knige ["Performing a feat...". The image of Vasilko Konstantinovich Rostovsky in the The book of degrees of Royal genealogy]. Russkaia rech', 2018, no. 5, pp. 56-61.
2. Kedrin D. Kniaz' Vasil'ko Rostovskii [Prince Vasil'ko of Rostov]. Available at: http://az.lib.ru/k/kedrin_d_b/text_0140.shtml (accessed: 17.01.2020).
3. Rykin P.O. "Obriady perekhoda" v sisteme russko-mongol'skikh otnoshenii serediny XIII v.: Semioticheskie aspekty mezhkul'turnoi kommunikatsii ["Rites of passage" in the system of Russian-Mongolian relations in the middle of the 13th century: Semiotic aspects of intercultural communication]. In: Istoricheskaia psikhologiya i mental'nost'. Epokhi. Sotsiumy. Etnosy. Liudi. St. Petersburg, 1999, pp. 201-216.
4. Stepennaia kniga tsarskogo rodosloviia po drevneishim spiskam [The book of degrees of Royal genealogy in the oldest lists]. Moscow, 2007, vol. 1, pp. 501-503.
5. Dolgov V.V. Byt i nryvy Drevnei Rusi. Miry povsednevnosti XI—XIII vv. [Life and customs of old Russia. Worlds of everyday life in 11th—13th centuries]. St. Petersburg, 2017. 592 p.
6. Pochekaev R.Yu. Pravo Zolotoi Ordy [The right of the Golden Horde]. Kazan', 2009, pp. 124-141.

Andreeva E.A. New life of the Ancient Russian plot (D.Kedrin's poem Prince Vasilko of Rostov). The author analyses D.Kedrin's poem *Prince Vasilko of Rostov* which was written during the Great Patriotic war and returns the readers to the events of the beginning of the Tatar-Mongol invasion. The old Russian story gives the opportunity to draw historical analogies and parallels, to tell about the Russian heroes and invaders fascists on the example of the events of 1238. Kedrin doesn't strive for historical accuracy in reproducing the events of the past, his main task is to use the example of a well-known plot and hero (Vasilko Rostovsky) to instill confidence in the final victory. That is why the poem completely removes all religious motives, and the main meaning of the feat of the old Russian prince is called not humility, but the desire to show an example of the behaviour, call for revenge for the invaders' crimes. The main quality of the main character is patriotism.

Keywords: old Russian literature, the Great Patriotic war, prince, hagiography, Tatar-Mongol invasion, Vasilko of Rostov, Baty, image.

Сведения об авторе. Екатерина Александровна Андреева — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела древнеславянских литератур Института мировой литературы им. А.М.Горького РАН; ORCID: 0000-0002-8829-3084; aaa46aaa@yandex.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 10.02.2020. Принята к публикации 25.02.2020.